

0-787257

На правах рукописи

Михалик Елена Александровна

**МЕТАСЮЖЕТ ПОЭЗИИ В. ХЛЕБНИКОВА:
ПРЕОДОЛЕНИЕ РАЗОБЩЕННОСТИ МИРА**

10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Пермь – 2010

Работа выполнена на кафедре русской литературы
Пермского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор *Рита Соломоновна Спивак*

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор *Олег Алексеевич Клинг*
кандидат филологических наук, доцент *Наталья Борисовна Лапаева*

Ведущая организация:

Удмуртский государственный университет

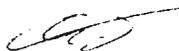
Защита состоится «23» декабря 2010 г. в 14.00 часов на
заседании диссертационного совета Д122.189.11 в Пермском
государственном университете по адресу: 614990, г. Пермь, ул.
Букирева, 15, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Пермского
государственного университета по адресу: 614990, г. Пермь, ул.
Букирева, 15.

Автореферат разослан «20» ноября 2010 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

профессор

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000675913

С.Л.Мишланова

Общая характеристика работы

Корпус литературы, посвященной жизни и творчеству Велимира Хлебникова, насчитывает более полутора тысяч наименований, что позволяет говорить о хлебниковедении как сформировавшейся отрасли филологической науки.

Начало научного изучения художественного наследия Хлебникова было положено ещё при его жизни, к анализу его произведений обращались Р.Якобсон, Р.Винокур, В.Гофман, Ю.Тынянов и другие современники. Прорыв в науке о Хлебникове произошел во второй половине 70-80-х годов, когда с небольшим промежутком появились монографии Н.С.Степанова (1975) и В.П.Григорьева (1983), а также кандидатская диссертация Р.В.Дуганова (1988), в которых творчество Хлебникова впервые исследовалось комплексно. Большое значение для постижения смысла «творений» художника имело мифопоэтическое направление, представленное работами отечественных (А.В.Гарбуз, С.А.Ланцова) и зарубежных (J.Fargyno, A.Hansen-Löve, J.-C.Lanne, Б.Леннkvист) ученых.

Внимание исследователей творчества Хлебникова привлекали особенности его стиля, литературные приемы, жанровая специфика его произведений, изобразительно-выразительные средства, словотворчество, «заумная речь». Значительный пласт научной литературы посвящен рассмотрению воздействия на творчество поэта тех или иных (нередко трудно совместимых) философских систем и учений. Специально освещались вопросы о литературных контекстах творчества Хлебникова, а также о влиянии его художественных принципов на развитие русской поэзии XX века в целом.

Но по преимуществу поэзия Хлебникова изучалась фрагментарно. Предметом изучения была ритмическая организация (М.Гаспаров, Н.Перцова, Ю.Орлицкий), формы авторского присутствия (И.Васильев, С.Руденко), своеобразии композиции (Б.Успенский) и образной системы отдельных стихотворений (Б.Леннkvист, Х.Баран, Вяч.Иванов).

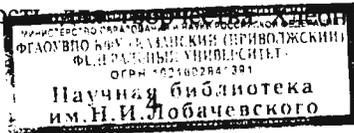
В связи с этим при значительной популярности в хлебниковедении жанра «анализа одного стихотворения» его поэзия как целое и законы ее функционирования остаются мало

изученными. До сих пор стихотворения Хлебникова продолжают оставаться одними из самых «сложночитаемых».

Необходимостью выявить ту доминанту, тот смысловой «инвариант», который позволил бы постичь логику функционирования поэтического мира Хлебникова, обусловлена **актуальность** настоящего исследования, в котором все многообразие стихотворного наследия поэта рассматривается как особая система со своим метасюжетом. Выявление метасюжета, на наш взгляд, представляется продуктивным путем прочтения и интерпретации сложных художественных систем.

Попытки выделения «основного узла», организующего поэтический мир Хлебникова, предпринимались в литературоведении неоднократно. Некоторые исследователи выделяют в качестве интегрального начала определенный *образ*, обладающий в рамках художественной системы поэта повышенной смысловой нагрузкой. В качестве такого интегрального начала в различных исследованиях были предложены «молния» (Р.В.Дуганов), «звезда», а позднее «волна» (В.П.Григорьев), «череп» (О.Ханзен-Лёве), «тело» (Ж.-К.Ланн), «единица» (Н.М.Азарова), «река» (О.Кузовлева).

Параллельным направлением поисков оказывается выделение основополагающей *категории*, определяющей своеобразие художественного мира В.Хлебникова. В.П.Григорьев называет «фундаментальные» для языка Хлебникова категории «преобразования» и «отношения». О.Ханзен-Лёве одним из наиболее значимых свойств художественного мира Хлебникова называет трансформацию (метаморфозу), понимаемую как переход одних явлений мира в другие. В художественных произведениях этот переход реализуется как объединение элементов в целое и распадение целого на части. Развивая некоторые идеи, выдвинутые О.Ханзен-Лёве, Ж.-К.Ланн в качестве основополагающих категорий поэтического мышления Хлебникова выдвигает операции «эйдетической редукции» и «энцефализации» вселенной, приблизительно соотносимые с операциями гносеологического анализа/синтеза. Н.М.Азарова также указывает на важность для поэтики Хлебникова категорий

распада и объединения. Таким образом, значимость в художественном мире поэта отношений объединения (синтеза) – распада (анализа) уже была отмечена исследователями, однако в качестве интегрального начала она никем ранее не рассматривалась.

По нашему мнению, отношение категорий *единство* – *разобщенность* в поэзии Хлебникова выступает в качестве интегрального начала, составляет универсальную оппозицию художественной структуры и лежит в основе метасюжета его поэзии. *Метасюжет*, мы вслед за А.Ивиным и М.Андреевым определяем как сквозной предельно обобщенный сюжет, своего рода смысловой инвариант (схему, «костяк»), включающий набор повторяющихся элементов, различно воплощенный в подавляющем большинстве произведений того или иного автора и обеспечивающий единство его художественного мира.

В художественном мире Хлебникова члены субстанциальной оппозиции единство – разобщенность не являются равноправными. Вся логика лирико-философской системы Хлебникова предполагает воплощение идеала единства мира путем преодоления процессов распада и разъединения, понимаемых как негативные, противоестественные, несущие гибель. Таким образом, метасюжет поэзии Хлебникова можно определить как *метасюжет преодоления разобщенности мира*.

Научная новизна.

1) В работе впервые лирика Хлебникова рассматривается как единая художественная система, содержательная и структурная целостность которой обеспечивает метасюжет преодоления разобщенности мира.

2) Раскрываются механизмы создания мотивно-образных комплексов, составляющих основу метасюжета поэзии В.Хлебникова, что способствует адекватному постижению содержания отдельных стихотворений и подтверждает мысль о высокой степени мотивированности произведений Хлебникова.

3) Применяется новая методология исследования поэзии В.Хлебникова как особой жанровой структуры – философского метажанра, обеспечивающего специфическую целостность художественной системы поэта, что позволяет отнести к

философской лирике стихотворения, прежде в качестве произведений философского характера не рассматривавшихся.

4) Расширяется представление о содержании образа лирического героя и его функциях в поэзии В.Хлебникова.

5) Предлагается новое прочтение ряда поэтических текстов Хлебникова, уже становившихся объектом научного интереса. Комментирование и анализ некоторых произведений философского характера осуществляется впервые.

Объект исследования - художественный мир В.Хлебникова в его эволюции.

Предмет исследования – содержание метасюжета поэзии В.Хлебникова и формы его художественной реализации.

Материалом исследования является весь корпус поэтических текстов В.Хлебникова. В связи с тем, что не только лирика Хлебникова, но и его художественная проза, публицистические произведения, статьи и заметки составляют, по нашему мнению и мнению ряда исследователей, единый «хлебниковский текст», возникает необходимость обращения и к этому материалу.

Целью исследования является рассмотрение в синхроническом и диахроническом аспектах метасюжета преодоления разобщенности мира в качестве основы поэтической системы В.Хлебникова, обеспечивающей её художественное единство и определяющей характер её структуры.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Определить центральную сюжетообразующую оппозицию и логику её разрешения.

2. Проследить эволюцию метасюжета поэзии В.Хлебникова в целом и отдельных образов и мотивов, включенных в его структуру.

3. Выделить в художественном мире Хлебникова основные подсистемы и обозначить их временные пределы.

4. Исследовать натурфилософскую и историко-философскую подсистемы с точки зрения воплощения указанного метасюжета.

5. Показать, что лирика В.Хлебникова является философской не только на идейно-тематическом, но и на структурном уровне.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Для художественной философии В.Хлебникова определяющее значение имеют не феномены, а отношения между ними. Основополагающими отношениями в художественной системе Хлебникова выступают отношения единства – разобщенности, которые и составляют центральную сюжетообразующую оппозицию, имеющую универсальный характер.

2) На всем протяжении творчества Хлебникова содержание метасюжета его поэзии составляет преодоление мировой разобщенности путем связывания и объединения в целое разрозненных элементов мира, выстраивания этих элементов, а также придания их движению целенаправленного характера.

3) Эволюция лирики В.Хлебникова представлена сменой двух подсистем (натурфилософской и историко-философской), которые оказываются связанными общим метасюжетом.

4) Предметом осмысления в натурфилософской подсистеме оказывается единство природного мира как нравственная и эстетическая норма.

5) В рамках историко-философской подсистемы фокус авторского внимания перемещается на проблему преодоления человечеством процессов тотального распада, охвативших социум.

Методологическую основу работы составляет комплексный подход к изучению литературных произведений, основанный на сочетании следующих методов литературоведческого анализа: историко-типологического, структурно-семиотического, мифопоэтического, интертекстуального. Большое значение для диссертации имеет разработанная Р.С.Спивак методика исследования философской лирики, заключающаяся в рассмотрении философской лирики как специфической структурной общности (получившей название *философского метажанра*), обладающей особым предметом художественного изображения и отличающейся от

других типов лирики своеобразием сюжета, субъектно-объектной и пространственно-временной организации.

Апробация работы. Основные положения работы отражены в 15 публикациях, в том числе 2 в рецензируемых печатных изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации трудов соискателей учёных степеней, а также в докладах на международных, всероссийских, межвузовских конференциях в гг. Перми, Соликамске, Ижевске, Саратове, Астрахани, Санкт-Петербурге, Москве, и в исследованиях, выполненных в рамках гранта РГНФ № 09-04-95578 м/мл.

Теоретическая значимость диссертационной работы связана с развитием основных положений теории философского метажанра и уточнением содержания понятия метасюжет.

Практическое применение работы. Материалы и результаты исследования могут быть использованы при чтении лекционных курсов и проведении практических занятий по истории русской литературы к. 19 – н. 20 вв., включены в учебные пособия для студентов-филологов и учащихся лицеев, гимназий, школ гуманитарной направленности.

Объем и структура диссертационного исследования.

Работа состоит из введения, трех глав и заключения, а также списка литературы, использованной при работе над диссертацией, включающего 212 наименований.

В первой главе метасюжет преодоления разобщенности мира рассматривается в синхроническом аспекте, с целью продемонстрировать его инвариантный для всего художественного мира поэта характер. Во второй и третьей - диахронически, что позволяет обнаружить различия его воплощения в рамках натурфилософской и историко-философской подсистем.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются его предмет, цели, задачи, методологические принципы, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Сюжетообразующая метаоппозиция: семантика, система и структура ключевых слов-образов» раскрывается содержание универсальной субстанциальной оппозиции единство – разобщенность, лежащей в основе метасюжета поэзии Хлебникова. Рассматриваются различные пути преодоления мировой разобщенности в художественном мире Хлебникова.

В параграфе 1.1. «Единство как соединение разных элементов: принцип всеобщей связи» предметом изучения является вариант преодоления разобщенности мира путем присоединения элементов мира друг к другу.

Принцип всеобщей связи фиксирует единство между равновеликими объектами, и это единство являет собой наличие линейной связи между разнородными частями мира. Он положен в основу образов, смысловой доминантой которых выступает идея соединения. Все «образы-соединители» выполняют в поэзии Хлебникова общую функцию: стягивания, сближения; они регулярно выступают в общем контексте и являются в определенном смысле взаимозаменяемыми. К ряду этих образов относятся глаза, руки, волосы, губы, рожок, свирель, струны, нити, река. Перечисленные образы встречаются в поэзии Хлебникова регулярно, особенно это касается глаз, волос, рук и губ, которые входят в состав самых разнообразных метафор и наиболее часто используются при уподоблении мира человеческому телу. Интерес поэта именно к этим антропоморфным деталям обусловлен, по нашему мнению, способностью глаз, волос, губ и рук связывать и соединять. Это их свойство поэт подчеркивает, называя взоры «длинными» и фиксируя возможность губ, рук и волос тянуться к чему-либо.

Внутри группы образов-соединителей обнаруживается дифференциация, что позволяет говорить о стремлении поэта продемонстрировать сложность мирового единства. Если глаза выступают в поэзии Хлебникова как вместилище разума, связаны с познанием и творчеством, то губы соотносятся со смертью, что демонстрирует анализ мотива поцелуя, который достаточно редко выступает в своем традиционном значении, выражая соединения любящих: куда чаще он несет гибель.

Всем образам-соединителям соответствует единый графический инвариант - линия или луч, что можно объяснить исходя из лингвистических и математических теорий Хлебникова, в соответствии с которыми и буквы, и явления реальности можно представить как совокупность лучей. Луч - одно из центральных понятий художественной философии Хлебникова. Он выступает в теоретических исследованиях поэта и как эквивалент мыслительной деятельности, и как аналог истории человечества, и, что особенно значимо, как универсальный соединитель.

Параграф 1.2. «Единство целого и его частей: принцип множества» посвящен исследованию второго важнейшего способа пластического воплощения идеи мирового единства в поэзии Хлебникова: изображению целого как совокупности однородных единиц или, пользуясь математической терминологией, целого как множества.

Принцип представления целого как множества демонстрирует единство целого и его частей, где целое, включая в себя части, имеет отличную от них природу. Такое единство можно условно назвать единством в объеме, то есть единством не в двух, а в трех измерениях. Принцип представления целого как множества положен в основу образов дерева, книги, моря, ткани, тела, города. Все эти образы предстают в поэзии Хлебникова как совокупность упорядоченных однородных элементов: книга состоит из страниц, море из капель, ткань из нитей и т.д. Функциональная и структурная близость этих образов обнаруживается в том, что они выступают как взаимозаменяемые. В произведениях Хлебникова растение уподобляется городу, город - растению и книге, ткань - городу, дерево - реке, река - книге. Все эти образы наделены в поэзии Хлебникова свойством объема, способностью нечто в себя вмещать, наполняться содержимым, иначе говоря, объединять части в целое. Представляется, что функция объединения частей в целое является для образов дерева, ткани, города, книги основной. Свойством объема обладает в поэзии Хлебникова и луч. Луч в художественной философии Хлебникова – пример универсального единства, он и связывает разрозненные объекты, и объединяет их в новое целое.

Представление о целом как совокупности однородных элементов реализуется в многочисленных однотипных метафорах. Одна часть такой метафоры называет целое, а вторая – указывает на составляющие его элементы, причём связь между этими частями может быть как вполне непосредственной, так и весьма условной. Подобного рода метафоры встречаются у Хлебникова повсеместно («Волга глаз», «нива ракит», «табуны страстей», «войско морщин» и др.). Наиболее употребительными являются уподобления множества стаду, стае, тучам, толпе. Использование этих метафор объясняется стремлением поэта зафиксировать единство мира, сохранив при этом его разнообразие, отразить диалектический характер отношения целого и его частей.

Особенно много метафор такого рода использует поэт при изображении человеческой массы, которая практически всегда представлена нерасчленённой и действует как единый организм, что позволяет говорить о сознательной разработке поэтом системы художественных средств, позволяющих выразить идею единства мира не только по отношению к природному миру, но и к социальной реальности, к человеческому обществу.

Важную роль в объединении мира в целое выполняет у Хлебникова лирический герой, который нередко выступает в образе пастуха, управляющего стадом. Сущность этого образа заключается в его принципиально объединяющем характере. Пастух – это тот, кто организует стадо в целое, тогда как без него стадо распадается на отдельные «составляющие», что, в понимании Хлебникова, тождественно гибели. Объединяющие функции выполняет в лирике Хлебникова и рыбак, собирающий «народы» в сеть. Фигуры рыбака и пастуха генетически связаны с библейскими образами, что подчеркивает значимость процесса объединения, возвышает его до мессианского жеста.

Механизм преодоления разобщенности мира путем упорядочивания различных элементов реальности становится предметом рассмотрения в параграфе 1.3. **«Единство как структура: принцип упорядочивания».**

По мысли Хлебникова, механическое объединение объектов не является достаточным условием для преодоления мировой разобщенности и достижения единства: объединенные

элементы необходимо организовать, придав им четкую структуру. Стремление поэта к структурированию объединенных элементов прослеживается на мотиве ловли. Ловля в поэзии Хлебникова выступает как вариант объединения и осуществляется при помощи специальных снастей: сетей, тенет, невода. Все эти образы объединяет наличие жесткой структуры, они являют собой образ структуры в чистом виде, демонстрируя строгую упорядоченность составляющих их элементов.

Обнажение структуры (или костяка) обнаруживается при создании выступающих в объединительной функции образов города, книги, дерева, которые по принципу структурность/бесструктурность противопоставляются поэтом образам воздуха и моря. Актуализация в поэзии Хлебникова оппозиции «архитектурность/пустота», являющейся вариантом оппозиции «структурность/бесструктурность», в целом не характерной для русского футуризма, сближает его взгляды с концепцией акмеистов, в особенности с Мандельштамом, в раннем творчестве которого эта оппозиция является основополагающей.

Объединению упорядоченных элементов в художественной системе поэта противопоставлено объединение элементов никак между собой не связанных, «неупорядоченных», что наглядно демонстрирует образ мешка. Мешок в поэзии Хлебникова лишен формы, бесструктурен, поэтому осуществляемое им объединение непродуктивно, а в отдельных случаях и губительно. Не случайно, мешок в поэзии Хлебникова часто выступает как метафора мертвого тела, тела, покинутого душой, существование которого не имеет никакого смысла и содержания.

Параграф 1.4. «Функции движения в поэзии Хлебникова: принцип целенаправленности» посвящен исследованию еще одного способа преодоления мировой разобщенности: превращению хаотического разнонаправленного движения объектов реальности в движение поступательное, целенаправленное.

В художественном мире поэта представляется возможным выделить два основных типа движения: движение

прямолинейное и криволинейное, - которые противопоставлены по принципу наличие/отсутствие вектора (направления).

К разновидностям прямолинейного движения относятся полет, бег и глаголы со значением быстрого перемещения: мчаться, нестись, броситься, кинуться, - все эти формы движения можно редуцировать до графического инварианта, луча или вектора. Основной и наиболее универсальной формой прямолинейного движения оказывается полет, в который вовлечены практически все объекты реальности. Полет как форма целенаправленного связующего поступательного движения в большинстве случаев оценивается позтом положительно, причём даже в тех случаях, когда летящим оказывается оружие. Поэтизация летящего оружия (особенно свойственная ранней лирике) обусловлена его ролью: оно, пусть и насильственным способом, способствует достижению прогресса, а прогресс в художественном сознании представителей авангарда являлся главной целью и назначением творчества. В представлениях поэта только будучи объединенным в общем порыве, поступательно двигаясь в одном направлении, человечество обладает достаточным потенциалом, чтобы противостоять любому злу и развиваться. Складываясь из равнодействующих сил каждого отдельного человека, общая равнодействующая сил человечества оказывается колоссальной, превращает человечество в единство, наделенное бесконечной творческой способностью и в этом смысле подобное богу.

Летящим, а следовательно стремящимся к цели, показан в поэзии Хлебникова и лирический герой. Его полет - это одновременно связывание мира в единое целое и расширение пространственных границ, открытие нового. Активный (даже агрессивный), встречающий сопротивление характер его движения выражает емкое определение «напролом», в котором одинаково важны и энергичность, и момент преодоления препятствия. Движению героя «напролом» в поэзии Хлебникова противопоставлено движение «поперек», которое, как правило, осуществляют враждебные силы, стремящиеся остановить порыв героя к цели. В целом в художественной системе поэта остановка движения, препятствие на пути, как правило,

маркируются резко отрицательно, что объясняет соотнесенность со смертью в лирике Хлебникова такой формы движения, как «падение». «Падение» знаменует остановку движения, резкое его прекращение, что, по Хлебникову, всегда чревато гибелью.

К разновидностям криволинейного движения относятся скачка, пляска, прыжки, биение, стук. Инвариантом этих форм движения выступает волна или кривая. С криволинейным движением соотносятся представление о стихийности, что делает отношение к нему поэта амбивалентным. С одной стороны, разновидность криволинейного движения – скачка ассоциируется со свободой, творчеством, вдохновением. В то же время крайняя степень стихийности оборачивается безумием и смертью, что также воплощается в формах криволинейного движения – биении, пляске, прыжках. Важно, что в отличие от биения, пляски и прыжков, скачка имеет направление, что сближает её с формами прямолинейного движения. Лишенное вектора, криволинейное движение получает негативную оценку, поскольку не ведет к цели и не связывает элементы реальности.

В параграфе 1.5. «**Геометрия конфликта в поэзии Хлебникова: образы-разъединители**» осуществляется исследование «отрицательного полюса» поэтического мира лирики Хлебникова, а именно способов художественного воплощения второго члена центральной субстанциальной оппозиции единство-разобщенность в творчестве поэта.

Установление связей между различными объектами реальности, обеспечивающее единство и целостность мира, выступает в художественной системе Хлебникова как идеал, достижение которого поэт считает актуальной задачей не только своей, но и всего мыслящего человечества. В то же время поэт отдает себе отчет, что окружающий мир, в особенности социальная реальность, находятся в состоянии «недолжном»: разобщенном, разрозненном, отчужденном.

Разобщенность мира, распадение мира на отдельные, не связанные между собой элементы поэт демонстрирует с помощью большого числа образов и мотивов, выступающих в функции «разъединителей». К ним относятся образы «зеркала», «стекла», «льда» «забора», «границы», а также различные виды оружия. Все образы и мотивы, выполняющие разъединительную

функцию, включаются в отрицательно коннотируемое семантическое поле смерти.

Так, границы, разделяющие людей и государства, по глубокому убеждению поэта, «пахнут трупами». Один из наиболее семантически насыщенных «образов-разъединителей» в поэзии Хлебникова – зеркало регулярно выступает как аналог небытия и ассоциируется со смертью и убийством. Подобная достаточно неожиданная трактовка этого образа объяснима, с точки зрения законов физики: зеркальная гладь способна отражать лучи, то есть останавливать движение и обращать его вспять, прерывая связь между различными объектами мира.

Сходные характеристики получают в художественной системе поэта образы окна и стекла, которые препятствуют движению лучей и света, а также оказываются помехой в добрых намерениях лирического героя (например, «Мне, бабочке, залетевшей в комнату человеческой жизни...», «...а сзади была мостовой» и др).

Способностью останавливать движение, а следовательно «разъединять» обладают в стихотворениях Хлебникова лёд и снег, за которыми, как и за зеркалом, закреплена семантика умирания. Это объясняется тем, что лёд – твердое состояние воды, а вода для поэта синоним движения, тогда как превращение в лёд, замерзание становится эквивалентом прекращения движения, или, по Хлебникову, смерти.

В функции разъединителей выступают в художественном мире Хлебникова различные виды оружия, «арсенал» которого значителен: сюда относятся тесак, секира, секач, нож, меч, шашка, кинжал. Выбор именно оружия для воплощения идеи разъединения обусловлен его назначением: резать, рассекать, расчленять человеческие тела. Вместе с тем в ряде случаев образы оружия парадоксально сближаются с образами-соединителями: инвариантом некоторых видов оружия (меча, копья, стрелы) выступает луч, поэт демонстрирует способность оружия связывать, фиксируя прикосновение оружия к объекту, различные виды оружия соотносятся с глазами, волосами и руками, центральными образами-соединителями.

Парадоксальность соединения, осуществляемого посредством оружия, можно объяснить двояко. С одной

стороны, будучи предназначенным для убийства и разрушения, оружие смертоносно по самой своей природе. Уничтожающий потенциал оружия проявляется в том, что даже соединение, осуществляемое им, оказывается губительным, оно не способствует объединению мира в целое, а усиливает разобщенность. С другой стороны, демонстрация соединительных свойств оружия наглядно выражает важнейшую для Хлебникова идею о потенциально двойственном характере всех явлений, которые могут служить и добру и злу в зависимости от «сферы их приложения».

Во второй главе **«Ранняя натурфилософская поэзия В.Хлебникова как подсистема»** рассматривается своеобразие воплощения метасюжета на раннем этапе творчества поэта (в период с 1904 по 1914 год).

В параграфе **2.1. «Природный универсум в ранней лирике Хлебникова»** дается общая характеристика сложившейся в творчестве поэта подсистемы натурфилософской лирики, определяются её хронологические рамки.

В ранних произведениях Хлебникова основное место занимает осмысление бытийных законов, по которым функционирует универсум, а в качестве членов субстанциальной оппозиции выступают довещный хаос природы и гармонизирующая его творческая личность, в связи с чем нам кажется правомерным выделить поэзию этого периода в особую натурфилософскую подсистему. Содержание метасюжета ранней лирики составляет утверждение в образе природного универсума модели единого мира как нравственной и эстетической нормы.

Понятие о мире как природном универсуме, внутренне противоречивом, но в конечном итоге едином и совершенном складывается в творчестве Хлебникова под влиянием философии Спинозы, Лейбница и Декарта, к чьим трудам на этом этапе творчества Хлебников проявляет особый интерес.

Закономерным является внимание Хлебникова в этот период к лирике Г.Р.Державина, для натурфилософии которого весьма важным было представление о природном мире как универсуме, а также сближение понятий бог и природа. Влияние Державина обнаруживается, между прочим, в стихотворениях

«Богу» и «Кузнечик». Одной из центральных в этих произведениях оказывается идея объединения противоречивых начал мира в целое. В разнообразных вариациях она выступает и в других произведениях Хлебникова, входящих в натурфилософскую подсистему («Ой, небянки-голубки», Числа», «Когда умирают кони...», «Я не знаю, Земля кружится или нет...», «Слоны бились бивнями так...» и др.).

Стремлением запечатлеть уравновешенность противоположных начал в природном универсуме объясняется тяготение поэта к симметрической организации стихотворений. В его произведениях нередко можно выделить «левый» и «правый» вертикальные сюжеты, которые, включаясь в состав общего сюжета стихотворения, обладают определенной степенью автономности («В умных лесах правен Лесовой...», «Мирожки делал Бог...», «Прамень невинностей мора...», «Слоны бились бивнями так...», «Люди, когда они любят...» и др.). В ряде случаев выявление «левого» и «правого» сюжетов облегчает графическое отделение двух частей стихотворения посредством тире («Сон – то сосед снега весной...», «Когда умирают кони – дышат...»). Иногда между собой согласуются четные и нечетные стихи, образуя соответственно «четный» и «нечетный» сюжеты («На острове Эзеле...», «Облакины плыли и рыдали...» и др.). Эти приемы сближают художественные принципы Хлебникова с принципами барочного стихосложения.

Представление о мире как внутренне противоречивом целом на уровне изобразительно-выразительных средств акцентируется постоянным использованием синтаксического параллелизма и анафор. Поэт демонстрирует одновременно и единство мира (за счёт повторения синтаксических конструкций и единоначатий), и его разнообразие (за счёт того, что общие синтаксические конструкции включают разные элементы), и его противоречивость, поскольку параллельные элементы зачастую противопоставлены друг другу. Подобную структуру мы наблюдаем в стихотворениях «В умных лесах правен Лесовой...», «У мравого стенанья есть левость – леуна...», «Когда умирают кони...» «Слоны бились бивнями так...», «Я не знаю, Земля кружится или нет...», «Я переплыл залив Судака...», «Люди, когда они любят...» и др.

Стремление изобразить мир как целое отражается и в использовании кольцевой композиции, например, в стихотворениях «Зазовь...», «Зеловеков венку», «Я ведал: непререкаемость Бозничего...», и в обращении к особой форме организации стиха – палиндрому («Перевертень»).

В параграфе **2.2. «Особенности хронотопа натурфилософской подсистемы: образ довещного хаоса»** рассматривается своеобразие пространственно-временной организации ранней натурфилософской лирики.

Представление о мире как замкнутом равновесном целом, сложенном из противоположностей, отражается и в хронотопе ранней натурфилософской лирики. Он отличается максимальной условностью. Действие большинства стихотворений разворачивается в особом мифологическом, нематериальном (допространственном и довременном) художественном измерении. Впечатление нематериальности поэтического мира ранней лирики Хлебникова создается благодаря использованию слов, начинающихся с приставок *без-/бес-* и *не-/ни-*, фиксирующих отсутствие в реконструируемой поэтом реальности известных понятий и явлений. В качестве определения локуса натурфилософских стихотворений часто выступает слово «хлябь», которое означает бездну, пустоту, иными словами, может трактоваться как эквивалент изначального хаоса, что отсылает к натурфилософской поэзии Ломоносова и Тютчева, в произведениях которых изображение хлябей и бездн занимало одно из центральных мест.

Ключевым при создании образа довещного хаоса оказывается понятие «ярь», обладающее амбивалентный характер природной стихии. С одной стороны, «ярый» выступает в значении «неукротимый», «буйный». С другой – слово «ярь» и производные от него генетически восходят к имени солнечного славянского божества Ярилы, олицетворявшего силы света и природную мощь. «Ярь» в ранней лирике – это не только «буйство», «неистовство», но и «плодородие», «витальная сила» мира, что соответствует представлению о хаосе как одновременно разрушительном и животворном начале. Довещный природный хаос рассматривается поэтом как естественное состояние мира, когда

добро и зло, жизнь и смерть, созидание и разрушение оказываются уравновешенными и ни одна из изначальных природных сил не берет верх. Этот вариант хаоса предстает в поэтической системе Хлебникова силой в значительной степени плодотворной, созидательной. В то же время и природный хаос таит в себе угрозу, обладает разрушительной потенцией. Обнаружить таящуюся в нем мощь и поставить её «на службу» человечеству – вот те основные задачи, которые в ранней лирике стоят перед лирическим героем.

В параграфе 2.3. «Герой ранней лирики В.Хлебникова» показано, как в ранней лирике Хлебникова важнейшую функцию превращения мира в единое структурированное и упорядоченное целое выполняет лирический герой, выступающий в облике мчащегося героя и героя-пастуха.

В образе мчащегося героя ранней лирики Хлебникова ощущается влияние символистской образности, ему присущи черты демона-изгнанника: величие, отчужденность от людей, сверхъестественные способности. Этот герой, как правило, изображается летящим, то есть располагается сверху, над остальным миром. Имея возможность летать, мчащийся герой легко преодолевает все возможные границы, осуществляя своего рода «собираение земель», физически соединяя различные географические объекты.

Герой-пастух в ранней лирике обладает чертами, роднящими его с героями-демиургами в лирике символистов: он способен управлять роковыми силами природы при помощи музыкальных инструментов (рожка или свирели), заклиная и завораживая стихию волшебной мелодией. Пастух, играющий на рожке в стихотворении «И я свирел в свою свирель...» вырастает в колоссальную фигуру творца, чья мелодия соотносится с ритмами космоса, управляет жизнью и смертью. Усмирение природного хаоса путем познания его тайн оказывается основной функцией героя-пастуха в стихотворениях «Вот струны...», «Временель», «Умночий сияний межзвездных...».

И в мчащемся герое, и в герое-пастухе акцентируется прежде всего личностная творческая мощь и могущество,

благодаря которым они преодолевают разобщенность мира, связывают пространства и упорядочивают довещный хаос.

В параграфе 2.4. «Периферия натурфилософской подсистемы: военная лирика 1910-х годов и одическая традиция» исследуется военная лирика, созданная поэтом в рассматриваемый период, но не относящаяся по своей проблематике и структуре к натурфилософской поэзии.

Она составляет периферию натурфилософской подсистемы. В военной лирике Хлебникова метасюжет преодоления разобщенности мира впервые реализуется на конкретном историческом материале. Главенствующей оказывается идея всеславянского объединения как залог выхода Российской империи из политического и духовного кризиса. Символом подобного общеславянского объединения оказывается образ героического «славянского воинства», при создании которого Хлебников во многом ориентируется на оды М.Ломоносова и Г.Державина.

Ориентация Хлебникова на одическую традицию обнаруживается на содержательном уровне: в его военной поэзии актуализируется тема державности, чрезвычайно важная в классицизме, а конфликт строится на резком противопоставлении «своего» (славянского и благого) «чужому» (враждебному, идущему с запада или от Японии). В стихотворении «Памятник» появляется фигура Александра III, царя, известного своей жесткой имперской политикой, о котором поэт пишет с симпатией, видит в нем защитника отечества.

Сближение Хлебникова с одами XVIII века происходит и за счёт использования определённых формально-образительных средств: синекдох, гипербола, метафор. Традиционные для классицизма аллегории: «меч», «орёл», «Борей», «северный лев», - регулярно встречаются и в военных стихотворениях Хлебникова. А метафора «море людей», широко использовавшаяся в одах при изображении сражений, повсеместно встречается и в военной лирике Хлебникова.

В стихотворениях с острой общественно-исторической проблематикой Хлебников впервые переносит акцент с изображения целостности и единства мира на происходящие в

нем процессы распада, что демонстрирует стихотворение «Перуну», где уничтожение (путем расчленения!) языческого божества Перуна воспринимается как знак разделения славянских народов и как первопричина сокрушительного военного поражения, которое потерпела Российская империя в войне с Японией.

Третья глава **«Подсистема историко-философской поэзии Хлебникова»** описывает формы художественной реализации метасюжета в историко-философских произведениях Хлебникова, созданных с 1914 по 1922 год.

В параграфе 3.1. **«Стихотворение «Жизнь» в системе историко-философской лирики»** на материале названного стихотворения представлен детальный анализ особенностей произведений историко-философского характера.

От натурфилософских произведений стихотворение «Жизнь» (1919) отличается, в первую очередь, предметом изображения: в центре внимания поэта не природный мир, а исторические закономерности, осмысление сложности и противоречивости стихии истории. В то время как художественное пространство ранней лирики предельно условно, в стихотворении «Жизнь» перед нами философское видение конкретных исторических событий: революции, падения самодержавия, гражданской войны.

В качестве литературного источника стихотворения Хлебникова можно назвать произведение Г.Державина «На счастье» (1789), которое созвучно произведению Хлебникова размышлениями о слепоте судьбы, о жестокой власти роковых сил над человеком и целыми народами. Вслед за Державиным Хлебников строит свое произведение на разворачивании аллегории: Жизнь, «машущая алой столицей», представляет собой олицетворение революционного произвола, играющего множеством человеческих жизней.

С точки зрения логики метасюжета, изображенная Хлебниковым Жизнь – воплощение стихийности: все ее движения представляют собой варианты кривой: она скачет, машет, хохочет. В целом, в рамках историко-философской подсистемы концептуализируются образы, соотносимые с криволинейным движением. Это движение, по Хлебникову,

отражает динамику мирового исторического процесса: взлеты и падения народов и империй. Исторические «волны», в соответствии с мыслью поэта, управляют жизнью государств, «волновую» природу имеют и ключевые образы, актуальные для историко-философской лирики: сквозные образы моря, скакуна, зверя.

Стихийность Жизни оценивается поэтом неоднозначно. Обличья, которые она принимает: русалка, гадалка, кобылица, - совмещают в себе противоположные свойства: поэтичность и жестокость, животворность и гибельность, - но их соединение не выглядит таким органичным, как в образе природного хаоса, который являет изначальную нераздельность добра и зла. В облике Жизни, выступающей как персонификация стихии истории, заметно преобладание губительного начала над возрождающим. В своей резкой противоречивости Жизнь уподобляется Маве, персонажу, олицетворяющему, по мысли Хлебникова, крайнюю степень антиномичности, переходящую в разъятость, и выступающему как символ зла и смерти.

Анализ близкого по своей образной структуре к стихотворению «Жизнь» стихотворения «Народ влачил свои судьбы по Волге...» 1921 года, показывает, что тенденция изображать стихию истории по преимуществу в трагическом аспекте как нечто враждебное человеку, несущее гибель и разрушение, в позднейших произведениях усиливается.

В параграфе 3.2. **«Эволюция героя в историко-философской лирике: герой-вожак и покоритель пространств»** исследуются основные особенности, отличающие героя историко-философской поэзии В.Хлебникова от героя поэзии натурфилософской.

Стремление преодолеть распад мира в социальном аспекте и привести человечество к «общему знаменателю» вызвало к жизни новый тип героя. Если в ранней лирике герой-пастух демонстрировал прежде всего свои магические способности, заклиная стихию с помощью музыкального искусства, то в историко-философской лирике в образе пастуха подчеркнут объединяющий потенциал, способность организовывать массу. Из индивидуального творца пастух (или его функциональный аналог - рыбак) превращается в вождя, вожака, ведущего за

собой человечество. В историко-философской лирике нередко происходит смена субъекта действия с Я на Мы: человечеством руководит не один пастух, но пастухи (рыбаки), поэты-футуристы или даже целое мудрое и справедливое Правительство Земного Шара.

В образе героя маркируется нарастание стихийности: он именуется себя и своих соратников-будетлян «дикими», «сумасшедшими», «паяцами». Заметно усиливается тяготение к движению героя по кривой: он «прыгает», «бьется», «пляшет», - тогда как в натурфилософской лирике превалирует движение героя по прямой - полет. «Искавление» героя обусловлено причастностью его революционным «волнам», которые мыслятся одновременно как разрушительные и преображающие, своего рода изоморфизмом героя и революции. В то же время это «искавление» демонстрирует усиливающийся в образе героя трагизм: всё чаще герой оказывается не только бесстрашным проводником в будущее, но и жертвой настоящего/прошлого, охваченной безумием и отчаянием.

Герои историко-философской лирики Хлебникова, преодолевающие разобщенность мира посредством пространственных перемещений, сближаются с героями-путешественниками поэзии Н.Гумилева. Для тех и других покорение новых земель означает торжество человека, утверждение его физической и духовной мощи. Но в отличие от Гумилева, изображающего экзотических героев в экзотической обстановке, Хлебников отдает предпочтение персонажам отечественной истории, в частности Ермаку. Покорение Ермаком Сибири, которая в поэзии Хлебникова выступает как царство холода и смерти, символизирует победу над смертью, что поэт считал и своей основной задачей.

Параграф 3.3. «Поэтика распада: эсхатологические мотивы в лирике Хлебникова 20-х гг.» посвящен анализу историко-философских стихотворений 1920-х гг., в которых поэт изображает историческую стихию преимущественно в негативном свете как разобщающую и губительную силу, препятствующую единению людей. Произведения Хлебникова, написанные в этот период, представляют картины мира гибнущего, мира, отданного во власть хаоса, который

выражается в полном разрушении связей и тотальном распаде. Основным источником этих процессов оказывается «проклятый триумvirат»: войны, власти и голода, - которые в изображении Хлебникова приобретают космический масштаб.

В 20-е годы исторический хаос из преобразующей и очистительной бури превращается в сметающий всё на своем пути ураган, сеющий смерть и разрушение. Например, стихотворение 1921 года «Обед», самым своим рваным ритмом напоминает морской шторм. В центре изображения - беспощадная «мировая игра»: столкновение жизни и смерти, - на фоне которой фигурка человека выглядит особенно беспомощной. Исторический хаос стал полностью неуправляемым и постоянно угрожает человеку уничтожением.

Стремление Хлебникова зафиксировать нарастание мировой разобщенности приводит к изменению образа лирического героя: он все чаще изображается изолированным от людей, подчеркиваются его одиночество и отверженность. В 20-е годы в поэзии Хлебникова актуален конфликт героя и толпы («Не чертиком масленичным...», «Ещё раз, ещё раз...», «Одинокий лицедей», «Мне, бабочке, залетевшей ...» и др.), который в целом для его художественной системы не характерен.

При изображении тотального разложения, охватившего мир, Хлебников в лирике 20-х годов охотно обращается к мотиву еды, который в его художественном сознании практически всегда имеет негативную коннотацию: еда ассоциируются с мещанством и пошлостью, образ еды часто используется при изображении войны (образ Войны-людоедки), входит в семантическое поле смерти. Содержание мотива обеда (трапезы) в стихотворениях Хлебникова оказывается полемичным по отношению к роли, которую этот мотив играет в стихотворениях Державина.

Связь с державинской традицией обстоятельно аргументируется анализом стихотворения «Три обеда» (1921), являющегося своего рода пародией на классические державинские «обеда». Если в поэзии Державина обед символизирует гармонию, космос, умиротворение и довольство жизнью, то в стихотворении Хлебникова обед оказывается

символом мира разъятого, пугающего своей болезненностью. Тревожное сочетание алого и зеленого цветов, (нередкое в живописи немецких экспрессионистов), постоянное упоминание мяса и крови, слова из семантического поля «болезнь» (свищи, проказы, ссадина) способствуют возникновению отвращения при виде пышного застолья. Изображение разобщенности занимает в стихотворении центральное место: образы в стихотворении буквально дробятся на части, и люди, и животные показаны рассеченными, разрушение структуры демонстрируется сравнением людей с мешками, а отсутствие поступательного движения фиксируется номинативными и эллиптическими предложениями.

Мотив еды в поэзии Хлебникова 20-х гг. служит изображению особого состояния мира, при котором в мире возобладало страшное, расчленяющее, смертоносное начало. Хаос, могущий в принципе быть плодотворным, доходит здесь до своей крайней точки и превращается в энтропию - нарастание неупорядоченности, которое несет гибель и уничтожение.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, обобщаются результаты работы.

В качестве интегрального начала, обеспечивающего единство художественного мира Хлебникова на всех этапах творчества, выступает метасюжет преодоления разобщенности мира. Он получает воплощение посредством композиции, изобразительно-выразительных средств (тропов и фигур), системы образов, хронотопа, а также структуры образа лирического героя. В основе метасюжета лежит универсальная субстанциальная оппозиция единство-разобщенность, в различных вариантах реализующаяся в подавляющем большинстве поэтических произведений Хлебникова.

Выявление в поэзии Хлебникова метасюжета делает возможным объяснение присутствия в его текстах образов, мотивов и метафор, прежде трактованных как произвольные, «ассоциативные», не подчиняющиеся логике. Дает возможность прочесть и понять недоступные ранее произведения поэта.

Изучение основной субстанциальной оппозиции единство – разобщенность, лежащей в основе метасюжета поэзии Хлебникова, позволяет сделать вывод, что поэзия Хлебникова

может быть названа философской не только благодаря поднятым в ней темам и проблемам, что уже неоднократно отмечалось исследователями, но и в силу особого характера своей структуры.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК МОиН РФ:

1. Тузова Е.А. Мотив «гибели зверя» в художественной системе В.Хлебникова и Н.Гумилёва // Вестник Вятского Гуманитарного государственного университета. – Вятка, 2008. - № 1. – С. 65-69.
2. Михалик Е.А. (Тузова Е.А.) Метасюжет преодоления расчлененности бытия в лирике В.Хлебникова // Вестник Пермского государственного университета. Российская и зарубежная филология. - Пермь, 2010.- Вып. 3 (9) – С. 78-86.

Статьи и тезисы выступлений, опубликованных в изданиях, не включенных в реестр МОиН РФ:

3. Тузова Е.А. Сказочное начало в лирике Н.Гумилёва // Проблемы филологии и преподавания филологических дисциплин. Материалы отчётных конференций преподавателей, аспирантов, молодых учёных и студентов (апрель 2003 г.). – Перм. ун.-т. - Пермь, 2004. – С. 115-119.
4. Тузова Е.А. Лирика В.Хлебникова как философский метажанр // Проблемы филологии и преподавания филологических дисциплин. Материалы отчётных конференций преподавателей, аспирантов, молодых учёных и студентов (2006 г.) – Пермь, 2007. - С. 279-283.
5. Тузова Е.А. Христианские образы в философской лирике В.Хлебникова // Библия и национальная культура: Межвуз. сб. науч. ст. – Пермь, 2005. – С. 63 - 66.
6. Тузова Е.А. Понятие философского метажанра в интерпретации поэзии В.Хлебникова // Русская литература XX-XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: Материалы

Второй Международной научной конференции: 16-17 ноября 2006 ноября 2006 г. – М., 2006. – С. 323-327.

7. Тузова Е.А. Философия истории и социума в лирике В.Хлебникова // Кормановские чтения: Материалы Межвуз. конф. (Ижевск, апрель, 2006) – Ижевск, 2006. - Вып. 6. – С.351 – 356.

8. Тузова Е.А. Стихотворение В. Хлебникова «Жизнь» в системе художественной философии автора // Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых учёных: В. 3 ч.- Саратов, 2008. – Вып. 11, ч. I-II.- С. 67- 72.

9. Тузова Е.А. «Славянское воинство» («войско руссов») в ранней лирике В.Хлебникова // Традиционная Россия глазами славянских народов. Выпуск 1.- Пермь, 2007. – С.130 - 136.

10. Тузова Е.А. Структурное воплощение идеи соединения в лирике В.Хлебникова // Вестник Пермского государственного университета. Филология. 2008 – Вып. 3 (19) - С. 88 - 92.

11. Тузова Е.А. Идея соединения в лирике В.Хлебникова // Материалы XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов». Секция «Филология». – М., 2008. – С. 574 - 577.

12. Тузова Е.А. О державинских источниках некоторых стихотворений В.Хлебникова // Природа в художественном слове. Идеи и стиль: сб. науч. ст. - СПб., 2008. – С. 166 -170.

13. Тузова Е.А. Державинская традиция в историко-философской лирике В.Хлебникова // Проблемы филологии и преподавания филологических дисциплин. Материалы отчётных конференций преподавателей, аспирантов, молодых учёных и студентов (апрель 2008), - Пермь, 2008. – С. 203-207.

14. Тузова Е.А. Г.Р.Державин в художественном сознании В.Хлебникова // Материалы X Хлебниковских чтений. – Астрахань, 2008. – С. 306 - 309.

15. Тузова Е.А. Покорение пространства в художественных мирах В.Хлебникова и Н.Гумилёва // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Камский путь» («Строгановские чтения» - III, «Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи» - VII) 19 – 21 сентября 2008, Соликамск, 2009. – С. 103-106.

10 -